

«Философские пароходы»

(фрагмент книги "Наука и кризисы",
СПб.: Дмитрий Буланин, 2003, с.465-473)

Победу в гражданской войне было решено использовать для окончательного сокрушения всех политических и идейных противников, искоренения всяких поповзновений к инакомыслию. В конце 1920 г. Ленин пишет Н. Н. Крестинскому: «Тайно подготовить террор: необходимо и срочно».¹¹² Тайное стало явным 22 марта 1922 г. в заключительном слове Ленина по политическому отчету ЦК РКП(б) на XI съезде.¹¹³ Он требует усилить террор и предлагает 14 мая 1922 г. Наркомюсту узаконить расширение расстрела.

Прежде всего завершилась ликвидация всех партий.¹¹⁴ Суть происходящего цинично охарактеризовал М. П. Томский, лидер профсоюзной — «школы коммунизма»: «...В обстановке диктатуры пролетариата может быть две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, все остальные в тюрьме».¹¹⁵ Уничтожалась прежде всего интеллигенция. Протестуя против готовящейся расправы над правыми эсерами, Горький в письме к Рыкову подчеркивал: «...за все время революции я тысячекратно указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране».¹¹⁶

Новая волна репрессий против интеллигенции связана со столкновениями представителей властей с верующими, сопротивлявшимися изъятию церковных ценностей весной 1922 г. в Москве, Петрограде, Шуе, Туле, Рыбинске, Новгороде, Ростове, Старой Руссе.¹¹⁷ Всего по стране в 1922 г. произошло более 1400 кровавых инцидентов. Более 2700 человек были привлечены к уголовной ответственности.¹¹⁸ По данным комиссии А. Н. Яковлева, из изъятых ценностей на 2,5 млрд золотых рублей только 1 млн ушел на закупку продовольствия для голодающих, остальные были направлены на нужды мировой революции.¹¹⁹

19 марта 1922 г. Ленин решил воспользоваться этими волнениями, чтобы дать беспощадный бой. «Чем больше представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, — убеждал Ленин членов Политбюро, — тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и ду-

¹¹² Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. С. 27.

¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 119-121.

¹¹⁴ Гиммельсон Е. Г. Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. 1994. №4-5. С. 94-110.

¹¹⁵ Первая Ленинградская областная конференция РКП(б) 15-19 ноября. 1927. Стенографический отчет. М., 1927. С. 28.

¹¹⁶ Социалистический вестн. 1922. № 13 (14). С. 12.

¹¹⁷ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996.

¹¹⁸ Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. С. 169.

¹¹⁹ Там же. С. 171.

мать».¹²⁰ Во многих городах прошли судебные процессы.¹²¹ Только в Москве судили 54 человека, а в Петрограде — 287. Однако власти не осмелились устроить массовые казни. Разногласия возникли даже среди партийной элиты.¹²² В конечном счете было расстреляно 9 человек, в том числе профессор уголовного права Петроградского университета Ю. П. Новицкий.¹²³ В развязанной газетной кампании провозглашалось: «...Нет, не может быть и не будет милосердия в отношении... выходцев из архибуржуазной среды, бывших активных помещичье-буржуазных политиков, которые ныне, прикрываясь организацией церкви, поднимают наиболее темные и развращенные элементы населения против рабоче-крестьянской власти в союзе со своими заграничными белогвардейскими единомышленниками». Расправа над церковниками убедила большевиков во вседозволенности и возможности начать новые гонения на инакомыслящую интеллигенцию, которую старались оглушить «процессом эсеров и церковным судом».¹²⁵

Был найден и повод. В руки Ленина попал сборник статей «Освальд Шпенглер и закат Европы», который он оценил как «литературное прикрытие белогвардейской организации», и 15 марта предложил наркомюсту Д. И. Курскому дополнить УК РСФСР правом Президиума ВЦИК заменять расстрел «высылкой за границу».¹²⁶ Через день следует новое указание: «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его предель».¹²⁷ Гнев Ленина подкрепила записка наркомздрава Н. А. Семашко, в которой сообщалось, что состоявшийся в мае 1922 г. Всероссийский съезд врачей обнаружил кадетско-меньшевистское и эсеровское влияние. Без дел не остался и Ф. Э. Держинский, которому Ленин поручил 19 мая 1922 г. подготовить вопрос «о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции... Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в не-

¹²⁰ Новые документы о В. И. Ленине (1920-1922 гг.) // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 192-193.

¹²¹ Князев Г. А. Из записной книжки... // Русское прошлое. 1994. Кн. 5. С. 221-222.

¹²² Рязанов Д. Б. Выступление на заседании Президиума ВЦИК 3 августа 1922 г. // Вестн. РАН. 1992. №4. С. 114-121.

¹²³ «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991; Рокитянский Я. Г. Судебная расправа 1922 года: академик Рязанов против карательной практики большевиков // Вестн. РАН. 1992. № 4. С. 103-113.

¹²⁴ Красиков П. А. Седан русской церкви // Известия. 1922. 13 авг.

¹²⁵ Князев Г. А. Из записной книжки... // Русское прошлое. 1994. Кн. 5. С. 221.

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189.

¹²⁷ Там же. С. 190.

¹²⁸ Там же. Т. 54. С. 270; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 544-545.

делу на просмотр ряда изданий и книг... Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ... Надо поставить дело так, чтобы этих „военных шпионов" изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу».¹²⁹

17 июля 1922 г. Ленин вновь возвращается к этому вопросу и требует от генерального секретаря ЦК РКП(б) И. В. Сталина: «Решительно „искоренить" всех энесов? ... По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. То же А. Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники „Экономиста"... представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их вон — из России. Делать это надо сразу... Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа... Чистить надо быстро».¹³⁰

Ленинское указание было быстро выполнено.¹³¹ Функция усмирителя интеллигенции была возложена на особо уполномоченного ОГПУ Я. С. Агранова, одного из главных организаторов «дела Таганцева». 1 июня 1922 г. он подготовил докладную записку на имя Дзержинского, в которой стремление научной интеллигенции отстоять свою гражданскую позицию, спасти высшую школу, добиться от властей понимания, выступая за автономию высшей школы, за улучшение материального положения преподавателей и студентов и т. д. оценивалось как антисоветская деятельность, угрожающая советской власти.¹³² Все вселяло страх — вузы, общества, частные издательства, журналы, съезды, все представлялось «ареной борьбы против Советской власти», которую ведет «антисоветская интеллигенция», якобы воодушевленная ослаблением репрессий.¹³³ Ослабление репрессивной политики в период перехода от военного коммунизма к НЭПу привело к возрождению различных обществ и частных издательств, служащих центрами консолидации антисоветской интеллигенции.¹³⁴ А главной ареной борьбы назывались союзы, съезды, печать и т. д. Предлагалось принять ряд превентивных мер против научной интеллигенции, чтобы «предотвратить возможные политические осложнения».¹³⁵

¹²⁹ Там же. С. 265-266.

¹³⁰ *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. С. 203-204.

¹³¹ *Гак А. М., Масальская А. С., Селезнева И. Н.* Депортация инакомыслящих в 1922 г. (позиция Ленина) // Кентавр. 1993. № 5. С. 89; *Селезнева И. Н.* Интеллектуалам

в Советской России места нет // Вестн. РАН, 2001. Т. 71. № 8. С. 738-747.

¹³² Документы из фонда бюро секретариата ЦК ВКП(б) / Публ. и примеч. И. Н. Селезневой // Вестн. РАН. 1996. Т. 66. № 10. С. 927-929.

¹³³ Там же. С. 927.

¹³⁴ *Красильников С. А.* Интеллигенция периода НЭПа в обзорах ГПУ—ОГПУ // Российская интеллигенция на историческом переломе. С. 140-144.

¹³⁵ Документы из фонда бюро секретариата ЦК ВКП(б). С. 929.

1 июня М. И. Калинин и А. С. Енукидзе подписали постановление о введении в действие УК, содержащего соответствующие статьи. 8 июня 1922 г. Политбюро ЦК РКП заслушало заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» и постановило создать комиссию для разработки необходимых мероприятий, провести фильтрацию студентов и ограничить прием в вузы лиц непролетарского происхождения, установить свидетельства политической благонадежности студентов, не командированных партийными организациями.¹³⁶

Это постановление на десятилетия определило надзорно-репрессивную стратегию ГПУ—ОГПУ—НКВД по отношению к научному сообществу. Отныне под контроль карательных органов ставились все научные союзы, организации и общества, созыв и проведение их съездов, проверка всех печатных материалов. ГПУ поручалось провести перерегистрацию всех обществ и союзов, установить контроль над их съездами и совещаниями, проверить все научные издания, закрывая «не соответствующие направлению Советской политики», централизовать деятельность всех комиссий, создаваемых местными исполкомами по вопросам образования и науки. Все организации должны были регистрироваться в НКВД. Уже 12 июня 1922 г. ВЦИК принял постановление, содержащее требование об обязательной регистрации в НКВД студенческих обществ, объединяющих «исключительно студентов данного ВУЗ(а)» и утвержденных его правлением.¹³⁷ ГПУ получило разрешение на массовые высылки и ссылки интеллигенции за границу и вглубь страны, фильтрацию состава студентов с учетом их классового происхождения.

Дело под контроль взял Дзержинский, который, чтобы не было «рвачества и кустарничества»,¹³⁸ поручил своим заместителям разработать списки высылаемых: московский, петроградский, украинский, окончательно утверждаемые Комиссией Политбюро в составе Уншлихта, Каменева, Курского, Манцева, Решетова. Помимо идейных противников советской власти и активных участников забастовок в университетах в них попало немало профессоров, о политических и философских взглядах которых ничего вразумительного не говорилось, кроме некоего их тлетворного влияния на студенчество. Отсутствие конкретных обвинений, возможно, не было следствием небрежности, а должно было создать ощущение всеобщей виновности и тем самым запугать научную интеллигенцию. И это удалось.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Изв. ВЦИК. 1922. № 1573.

¹³⁸ Коган Л. А. «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопр. философии. 1993. № 9. С. 66.

На XII конференции РКП(б) в августе 1922 г. была утверждена инициатива Ленина, что репрессии должны применяться и по отношению «к политиканствующим верхушкам мнимо-партийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки... являются пустым словом, политическим прикрытием».¹³⁹ 10 августа 1922 г. ВЦИК принял постановление об административной высылке за границу или в определенные места РСФСР, а 16 октября 1922 г. дополнил его декретом о том, что такому наказанию, а также заключению «в лагерь принудительных работ на месте высылки» подвергаются лица, признанные «социально опасными» особой комиссией из представителей НКВД и Наркомюста.¹⁴⁰

Эта деятельность была предана гласности 31 августа 1922 г. в статье «Первое предостережение» в газете «Правда». Подводились некоторые итоги подготовки к высылке инакомыслящих и называлось направление главного удара — высшая школа, где профессора и преподаватели сопротивлялись реформам. Были там и заверения, что власть заинтересована в сотрудничестве с лояльными специалистами, не мечтавшими о реставрации «буржуазно-помещичьего режима». Понимая значимость этой публикации, Ольденбург уже на следующий день (1 сентября) обратился к М. Горькому с призывом использовать весь свой авторитет для прекращения высылки ученых, которые, после нескольких лет смертей, убийств и эмиграции и при современной политике властей по отношению к ученым, грозят гибелью русской культуре.¹⁴¹ Он верит, что голос Горького «будет услышан всей Россией». Но все было тщетно.

Двумя днями раньше Г. Е. Зиновьев заявил, что никакие поучения о нужности интеллигенции для советской России не будут приняты во внимание: «...Мы знаем, что мы делаем. Рабочий класс не позволит никому, даже лучшему спецу, сесть ему на шею».¹⁴² Причем вожди партии пытались представить свои действия как акт милосердия по отношению к выслаемым, которые в противном случае были бы расстреляны, и поэтому им не следует проклинать изгнание.¹⁴³ Так 30 августа 1922 г. Троцкий объяснял американской журналистке Луизе Брайант «гуманизм акции».

¹³⁹ КПСС в резолюциях и решениях... М., 1970. Т. 2. С. 395.

¹⁴⁰ Ссылка в 1920-е годы / Публ. С. А. Красильникова // Минувшее. СПб., 1997. Вып. 21. С. 184.

¹⁴¹ «Молчать далее нельзя...» С. 113.

¹⁴² Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. С. 202.

¹⁴³ Костиков Вяч. «Не будем проклинать изгнание...» // Пути и судьбы русской эмиграции. Л., 1990. С. 176-177.

4 сентября Дзержинский посетил Ленина в Горках и уже на следующий день составил Уншлихту директиву: «Продолжить высылку активной антисоветской интеллигенции...»¹⁴⁴ В составленной им классификации интеллигенции на высылку особое место занимали «профессора и преподаватели». Предписывалось «на каждого интеллигента иметь дела», каждая группа должна была освещаться «компетентными товарищами», «сведения должны были проверяться с разных сторон», вести «наблюдения за всей ведомственной литературой Наркомзема, ВСНХ, НКФ, КЕПС» и т. д. В списках, просмотренных Лениным, значились 67 фамилий (22 профессора) в московском и 51 фамилия (23 профессора) в петроградском.¹⁴⁵ В основном это была профессура высшей школы, а для устрашения остающихся из каждого вуза брали по несколько человек. Немало профессоров было и в разделах списков, обозначенных как «Антисоветская интеллигенция». Так, фамилией П. А. Сорокина открывался соответствующий раздел петроградского списка. Высылались профессора из Казани, Нижнего Новгорода, Минска. В украинском списке числилось 77 фамилий из Киева, Харькова, Одессы, Екатеринослава.

На вопрос П. А. Сорокина одному из лидеров большевиков Г. Л. Пятакову, почему их высылают, последний ответил с циничной откровенностью, что в России провалился эксперимент социалистического строительства и сейчас идут два процесса: «восстановление буржуазного общества» и «приспособление к этому Советской власти». Первый из них идет быстрее, чем второй, создавая угрозу самому существованию большевиков. Цели предпринимаемой акции Пятаков сформулировал следующим образом: «Наша задача — замедлить развитие первого процесса, а вы и остальные, кого мы высылаем, ускоряете его».¹⁴⁶ И это хорошо понимали все. Суть происходящего четко выразил тачечник, подвозивший вещи А. С. Изгоева 16 ноября 1922 г. на судно «Пруссия»: «Всех умных людей — кого в тюрьму, кого в Сибирь, кого за границу... А в России кто останется? Одно, значит, неучное мужичье, чтобы легче командовать».¹⁴⁷

Депортация растянулась на несколько месяцев, так как одних пришлось долго разыскивать, вокруг других начиналась длительная переписка с авторитетными деятелями науки и культуры, требовавшими отменить изгнание. Осенью из Петроградского морского порта отправились два парохода — «Обер-бургомистр Хакене» и «Пруссия», где пассажирами были первые партии высылаемых. «Философские пароходы» снаряжались и в портах Одессы и Крыма, ученые вы-

¹⁴⁴ Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. С. 216-217.

¹⁴⁵ Там же. С. 218-221; Архивные документы о высылке 1922 года // Вестн. РАН, 2001. Т. 71. №8. С. 741-747.

¹⁴⁶ Сорокин П. А. Дальняя дорога. М., 1992. С. 144.

¹⁴⁷ Изгоев А. С. Пять лет в Советской России. С. 5.

сылались также поездами. Одним из последних в 1923 г. был выслан пароходом из Севастополя в Константинополь С. Н. Булгаков. Следует отметить, что хотя эти пароходы назывались философскими, философы там явно составляли меньшинство. За рубеж высылались врачи, юристы, экономисты, литераторы. За приверженность к идеологии «колчаковцев и врангелевцев» и буржуазным методам преподавания математики были высланы декан математического факультета МГУ В. В. Стратонов, а также профессора Д. Ф. Селиванов и С. И. Полнер. На самом деле, как выше уже отмечалось, высылались прежде всего авторитетные деятели высшей школы, которые, по мнению властей, мешали ее советизации. Парадокс происходящего заключался в том, что никто не знал: «Кому хуже — высылаемым или остающимся?»¹⁴⁸

Считается, что высылке было подвергнуто примерно 200 человек, а вместе с членами семей — 300, не считая 62 грузинских социал-демократов, изгнанных из страны в 1923 г., но до сих пор неизвестно точно, сколько было выслано за границу, а сколько — в северные губернии.¹⁴⁹ Не ясно, каков среди них процент ученых. В дальнейшем от этой меры отказались, так как не смогли внятно объяснить мировой общественности, в чем вина изгоняемых. Поэтому стали предпочитать ссылки в отдаленные районы внутри страны.

В последующих нормативных документах 1920-х гг. шло ужесточение административных, точнее, внесудебных, мер наказания.¹⁵⁰ Активизация интеллигенции в попытках овладения госаппаратом изнутри, в требованиях его «демократизации», в выдвижении антисоветских требований под видом профессиональных отмечалась и в информационном письме ГПУ «Деятельность антисоветской интеллигенции за 1921-1922 гг.» от 14 февраля 1923 г., подготовленном референтом Н. Н. Алексеевым и начальником секретно-оперативного управления ГПУ Г. Г. Ягодой.¹⁵¹ И здесь в качестве мер «борьбы со стихией общественности и регулирования темпа и характера общественного движения» предлагались закрытия обществ и издательств, аресты, высылки и ссылки лидеров антисоветских групп.

Как показал С. А. Красильников, записки Я. С. Агранова, Н. Н. Алексеева и Г. Г. Ягоды, а также подготовленная 3 июля 1926 г. записка «О политических настроениях интеллигенции» за подписью замести-

¹⁴⁸ Там же. С. 10.

¹⁴⁹ Геллер М. С. «Первое предостережение» — удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопросы философии. 1990. № 9.

С. 60.

¹⁵⁰ Ссылка в 1920-е годы. С. 175-239.

¹⁵¹ Красильников С. А. Интеллигенция периода НЭПа... С. 140-144; Селезнева И. Н. Под прицелом ГПУ. С. 923-927; Документы из фонда бюро секретариата ЦК ВКП(б). С. 927-929.

теля начальника ОГПУ В. Р. Менжинского свидетельствовали о том, что в годы НЭПа интеллигенция в целом продолжала рассматриваться властями как оппозиционная сила, в отношении которой следовало постоянно осуществлять надзорно-репрессивные меры с целью «не допустить какой-либо консолидации специалистов, неподконтрольной режиму».¹⁵² Такая политика неизбежно порождала конфликты между интеллигенцией и властями. Последние периодически напоминали научной элите о необходимости безусловного повиновения, подвергая гонениям отдельных ученых. Не раз в 1920-е гг. арестовывались члены-корреспонденты В. Н. Бенешевич, К. В. Харлампович, занимавшиеся историей церкви и церковного права. В 1927 г. был арестован и сослан на Соловки филолог и палеограф, член-корреспондент Д. И. Абрамович.

Репрессивные меры «приучали к лояльности» научную интеллигенцию. Как писал в 1924 г. П. П. Сушкин, «уж очень... загажена политика Академии политикой компромиссов, и всякое проявление достоинства, кот[орое] было бы возможно и внушило уважение несколько лет тому назад, теперь будет принято как бунт». Но менять что-нибудь, по мнению Сушкина, уже поздно. Он понимает, что «критиковать легче, чем действовать», но думает, что разумнее было бы следовать правилу: «не целуй ручку дважды, когда заставляют сделать это один раз».¹⁵³ Протестуя против введения подобного единомыслия, И. П. Павлов с возмущением рассказывал о случае, когда Зиновьев молчание аудитории объявил единогласным принятием собранием научных работников неприемлемого для них заявления. «Я встретил, — вспоминал Павлов, около этого времени одного из моих товарищей-профессоров и высказал ему свое негодование по этому поводу. Надо прибавить, что он имел репутацию особенно порядочного человека. Его ответ был следующий: „Чего Вы хотите? Разве вы не знаете, что теперь всякое возражение есть самоубийство“».¹⁵⁴

¹⁵² Красильников С. А. Интеллигенция периода НЭПа... С. 144.

¹⁵³ ВNF VC. Вох 87. Письмо П. П. Сушкина к В. И. Вернадскому. 21 мая 1925 г.

¹⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 95. Л. 37 об.— 38.